

ЕКАТЕРИНА БОГДАНОВА



ПОЙМАТЬ  
УСКОЛЬЗАЮЩУЮ  
НЕУЛОВИМАЯ  
для ПОПАДАНКА  
МАСТЕРА

Екатерина Богданова

**Поймать ускользающую.  
Неуловимая попаданка  
для Мастера**

«Автор»

2026

**Богданова Е.**

Поймать ускользящую. Неуловимая попаданка для Мастера /  
Е. Богданова — «Автор», 2026

Один неверный шаг - и я упала прямо на кровать властного, невероятно сильного мужчины, который не отпустит, потому что я скользящая – та, кто способен перемещаться сквозь пространство и миры вопреки всем запретам и преградам. Почему во мне проснулся такой редкий дар? Это мне только предстоит узнать. Но как ускользнуть из-под неусыпного контроля преподавателей и, главное, Мастера, в чью постель я так неосмотрительно угодила? Хотя нет, это неправильный вопрос. Нужно ли вообще ускользать от него?..

© Богданова Е., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 15 |
| Глава 3                           | 23 |
| Глава 4                           | 32 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 33 |

# Екатерина Богданова

## Поймать ускользающую.

### Неуловимая попаданка для Мастера

#### Глава 1

Как же прекрасно начинался этот вечер! Я, вся такая возвышенная, в ослепительно прекрасном новом платье, шествовала по красной в прямом смысле этого слова дорожке, приближаясь к предмету своих самых смелых грёз с курса этак первого. Вот, к третьему дошла, как говорится. Предмет моих мечтаний — Николай Строганов, ждал меня у противоположного края дорожки, не той самой, но красной же! Да, это был всего лишь половик, расстеленный перед входом нашей чудачкой всея подъезда бабой Лидой, но именно красный!

И вот я иду к нему, прямо как звезда большого экрана. Такой красивой я себя ещё никогда не чувствовала, расстаралась на славу. И платье, выгодно обрисовывающее фигуру, и макияж, ненавязчиво подчёркивающий глаза, губы и вообще все мои достоинства. Даже каблуки в девять сантиметров напялила. Полдня тренировалась на этих ходулях ходить. И плевать, что мороз на дворе, я же красавица!

И тут бах! Я поскользнулась и падаю, весьма некрасиво взвизгнув, и ещё более некрасиво расстелившись на этой самой красной дорожке.

Лицо моего «прекрасного принца» медленно искривляется, трансформируясь из снисходительной полуулыбки в брезгливое недоумение, а я почему-то продолжаю скользить, вереща и размахивая ногами с ходулями так, будто вот прямо сейчас этими самыми каблуками проткну несчастного Колю насквозь. И правда испугалась, что прибью парня, потому что скорость скольжения всё увеличивалась, вопреки закону трения и вообще всем законам вместе взятым.

Уже на подлёте к Николаю зажмурилась, поджав ноги в попытке спасти своего кавалера от встречи с острыми каблуками, и вдруг почувствовала, как меня кто-то обнял. Вот просто взял и обнял, поймав на лету. Прижал к себе, обхватив руками, а потом, придерживая за талию, осторожно отстранил.

— Ух ты, — выдохнула восторженно.

Открыла глаза и восторженность сменилась откровенным недоумением.

— А где Коля? — спросила я удивлённо.

— Так меня в постели ещё никто не приветствовал, — вместо ответа поделился сокровенным какой-то мужчина.

После чего меня, так и держа за бока, предельно осторожно поставили на пол, окинули придирчивым взглядом и вынесли вердикт:

— Незапланированно соскользнула.

Я же, пребывая в полном шоке, осматривалась. А посмотреть тут было на что! Я стояла в спальне! Причём в спальне какого-то отъявленного любителя старины. Тут тебе и стены, обтянутые старинными тканевыми обоями, и замысловатые светильники, и кровать резная... А на этой кровати восседает какой-то мужик, пристально изучающий меня взглядом.

И всё бы ничего, но я вот только что по красной дорожке скользила навстречу счастью. А тут он, невероятно злой, причём на меня, судя по всему, и настолько же невероятно... голый.

Проследив за моим ошалелым взглядом, этот невероятный будто невзначай прикрыл самое сокровенное простынкой и ну очень серьёзно спросил:

— Откуда?

— Вот и я не поняла, — развела руками. А дальше скороговоркой: — Откуда вы вообще нарисовались? Где Коля? Я что, головой приложилась? Немедленно верните меня, откуда взяли. — И для верности добавила: — Я буду кричать.

Нет, ну а что я ещё могла сказать, вдруг очутившись в какой-то сомнительной спальне, да ещё и с голым мужиком к тому же? А этот самый мужик продолжал смотреть на меня с таким видом, будто это я во всём виновата!

— Кричать буду, — на всякий случай повторила я, отступая от него.

Натолкнулась на что-то и упала... в кресло. В процессе падения весь воздух из лёгких выбило, и вместе с ним всю бравату. Сразу стало так страшно, как никогда раньше не было. Даже когда, поддавшись уговорам бабушки, поступать пошла, было не так страшно. И когда узнала, что бабуля умерла... хотя нет, тогда было страшнее. Но боль была сильнее страха.

И вот сейчас, казалось бы не к месту, вспомнив ту боль потери единственного близкого человека, я бояться вдруг сразу перестала. Расправила плечи и уже открыла рот, собираясь потребовать, чтобы меня немедленно отпустили, но...

— Девушка, вы вообще осознаёте, где находитесь? — вдруг спросил этот не очень одетый тип.

Интересный вопрос! А где я, собственно, нахожусь? Явно не там, где хотела бы! И это определённо не моя вина! Сама я сюда точно не пришла бы. Во-первых, потому, что это совершенно точно не Николай Строганов. У Коли утончённые черты лица, шикарные пшеничные волосы и пронзительно голубые глаза. И он мой ровесник. А передо мной сейчас находился мужчина лет тридцати как минимум, брюнет с широкими скулами, волевым подбородком и карими глазами. Привлекательный, да, но точно не Николай. А во-вторых, даже будь на его месте Коля, я бы вот так сразу в спальню не пошла. Он мне, конечно, нравится безмерно, можно смело сказать, что это моя первая и затянувшаяся любовь, но не до такой же степени!

Ну и, в связи со всем этим, назрел животрепещущий вопрос:

— А где я? — выдохнула, вжимаясь в кресло.

— Просто прекрасно, — скривился мужчина. — Так меня ещё никто не оплёвывал.

— Простите? — проявляя просто-таки героическую любезность в сложившейся ситуации, уточнила я.

— И не Коля я, и возрастом не вышел, и цвет волос не тот, и даже строение лица подкачало, — скептически поджав губы, заявил мужчина.

Мне оставалось только беспомощно развести руками. А что тут ещё скажешь?

Моё поведение было неожиданно воспринято слишком остро. Хотя я никак не могла понять — на что тут обижаться? Но...

— Встала и вышла, — грубо приказал этот мужлан, указав мне на дверь.

Даже не подумала послушаться. Вскочила и выбежала в указанном направлении. И только оказавшись в тёмном коридоре, спохватилась. А чего это он мне приказывает? И вообще, что это за тип? А главное, откуда он про Колю знает?! Я же ничего ему не сказала!

В душу начали закрадываться нехорошие мысли. Строганов что, воспользовавшись моим доверием, подогнал меня кому-то ещё? Бывало в нашем институте и такое. Но чтобы Коля и поступил так? Да ни за что! Он был просто идеальным парнем для нас всех — девчонок, сохнувших по нему. А таких было много. Но! Я с первого курса следила за его личной жизнью, как-никак первая любовь. И неизменно все его бывшие пассии расставались с ним, что называется, по-хорошему. Все девчонки были счастливы, и потом, что примечательно, быстро находили замену. Страдали, конечно, пару месяцев, когда Строганов выбирал другую, но потом... вполне успешно устраивали свою личную жизнь. Это уже даже какой-то местной приметой стало — после романа с Колей Строгановым обязательно найдёшь счастье.

Так что в Николае я была уверена, как в себе, что называется. Не стал бы он меня кому-то там подсовывать. И что же тогда получается? Этот сомнительный тип вообще откуда нарисовался? Ничего не понимаю.

А сомнительный тип, тем временем, оделся, весьма презентабельно, кстати: в чёрные брюки, белую отглаженную рубашку и чёрный же жилет, который как раз и застёгивал, выходя из спальни. На ногах его красовались начищенные до блеска чёрные туфли. Не совсем привычный и современный образ, но выглядит представительно. Этаким деловой мужчина, бизнесмен или политик.

От этих ассоциаций стало как-то совсем нехорошо.

— За мной, — приказал он, даже не взглянув на меня.

— К-куда? — слегка запнувшись, спросила я.

До меня, вдруг, с отчётливой ясностью дошло, что я полностью в его власти. Нахожусь неизвестно где, как отсюда выбраться не знаю, и даже одета не по погоде.

Я же думала, что мы с Колей сейчас в клуб поедem. А потому ни куртку с шапкой с собой не взяла, ни обувь тёплую. У Строганова улётная машина, прокатиться на которой было мечтой не только каждой девушки нашего института, но и большинства парней. Чёрная, как пантера, такая же грациозная и стремительная, спортивная тачка Николая Строганова была предметом мечтаний для всех! И садиться в эту машину в моей уже далеко не новой куртке было бы кошунством. А вот в новом платье, в котором я выглядела, надеюсь, не хуже какой-нибудь модели, очень даже к месту... было бы, если бы я до неё дошла.

— Какой же бардак у вас в голове, девушка, — оповестил меня этот странный мужчина. — Успокойтесь, покушаться на ваше платье я не собираюсь. И выкидывать вас на мороз тоже. Хотя бы по той простой причине, что в Вестейне весьма щадящий климат и морозов вообще не бывает.

— Где? — переспросила я, глядя на него широко распахнутыми глазами.

Тут было и так не очень светло, а с появлением этого непонятного мужчины будто ещё сумрачнее стало, вот я и старалась рассмотреть его, чтобы не упустить момент, если он выкинет что-то из ряда вон. Не выкинул, ни меня, ни из ряда вон.

— Следуйте за мной, — повторил мужчина. — И постарайтесь контролировать свои излишне шумные мысли. В вашем возрасте пора бы уже уметь ставить ментальные блоки.

Ответить на это в высшей степени странное заявление мне было нечего. Но стало как-то поспокойнее. Учítывая, что мы тут одни, если бы он хотел напасть на меня, уже сделал бы это. А раз не трогает, значит и не интересна я ему.

— Весьма здравое заключение, учítывая... ваше общее поведение, — неопределённо взмахнул он рукой.

— Спасибо, — сказала зачем-то я.

И да, пошла за ним, за неимением альтернатив. Признаться честно — я была слегка в шоке. Всё это и то, что этот странный мужчина, кажется, реально, по-настоящему, каким-то образом считывает мои мысли, просто не укладывалось в голове. А потому, я решила поправить с выводами, пока не разживусь информацией.

Шли мы недолго, коридор вскоре сменился лестницей вниз, которая тоже быстро закончилась. Мы спустились на один этаж, прошли по пустому тёмному холлу и вышли... в сказку. Вот так просто, взяли и шагнули в самую настоящую сказку!

Знаете, бывает так — кажется, что попала в незнакомое, неприятное место, и ситуация вообще какая-то неправильная и нехорошая, а потом будто глаза открываются и ты вдруг понимаешь — неправильно и нехорошо было раньше, а вот сейчас-то как раз и место то самое, твоё, и ситуация не плохая, а просто непонятная. Вот и со мной в тот момент, когда незнакомец, в чьей спальне я так неожиданно очутилась, распахнул передо мной двери и отступил в сторону, пропуская вперёд, случилось нечто подобное. Хватило лишь одного короткого взгляда

на простирающийся за дверью вид, чтобы понять — я хочу здесь жить! Я хочу стать частью этого всего!

Мимо крыльца, на котором я стояла, заворожённо осматриваясь, пробежал какой-то мальчуган лет восьми, на ходу сдёрнув с головы забавную то ли кепку, то ли панамку, быстро поклонился, кажется, возвышающемуся за моей спиной мужчине, выпалил:

— Добрый вечер, Великий Мастер, — водрузил свой головной убор обратно на вихрастую голову и убежал дальше... догонять то появляющуюся, то, как по волшебству, исчезающую девочку лет пяти.

Девочка заливисто смеялась, пробежала метра три, оглядываясь на мальчишку, выкрикивала «А не поймаешь», начинала слабо мерцать по контуру и исчезала... чтобы появиться чуть дальше и продолжить убегательную деятельность. А по вымощенным отполированными до блеска камнями тротуарам степенно прогуливались пожилые пары и развесёлые молодые компании. Чуть в стороне какой-то парень покупал у притулившейся на углу цветочницы букетик для своей девушки. Через дорогу, по которой медленно, с тихим, совсем не раздражающим грохотом и цокотом лошадиных копыт прокатился экипаж, самый настоящий, старинный... Так вот, там, по ту сторону дороги, происходило спонтанное уличное представление, с лёгкой музыкой и танцами. И всё это окружали просто сказочные дома, одно— двух— и трёхэтажные, с черепичными крышами, яркими ставнями, улыбающимися людьми, наблюдающими за представлением из украшенных цветами окон. А освещали представшую моему взгляду сказку зависшие прямо в воздухе над улицей, яркие, как светлячки, разноцветные бумажные фонарики, за которыми было совершенно не рассмотреть тёмное вечернее небо.

Мальчик с девочкой скрылись за поворотом сказочной улицы, но я всё ещё слышала их залиvistый смех. И гул каких-то радостных, счастливых голосов, и музыку, такую весёлую и в тоже время нежную. И запах свежей выпечки, просто одуряющий. И, громом среди ясного неба, раздражённый до предела голос моего нечаянного спутника:

— Устроили невесть что. Дня им мало было.

И сказка распалась. Померкли фонарики, стала не такой приятной музыка, да и прохладный вечерний ветер заставил поёжиться, когда я медленно обернулась и, полным растерянности взглядом, посмотрела на этого, совершенно не вписывающегося в окружающее пространство, мужчину. А потом подняла взгляд выше и поняла — не только он не вписывается. Всё здание, из которого мы вышли, будто оказалось тут по какой-то странной нелепой случайности — сумрачное, холодно-каменное, оно возвышалось над яркой, как бабочка, улицей, будто норовя раздавить её, или, как минимум заставить притихнуть, прекратить безобразие и потускнеть.

И этот мужчина в дверях большого сумрачного каменного дома, тоже был какой-то сумрачный, холодный и угрожающий. Поёжилась уже не от порыва ветра.

— Ваша оценка моей личности весьма... занимательна, — отчеканил этот холодно-мрачный. — Следуйте за мной. Не хотелось бы провозиться с вами до утра. И так уже двое суток не спал, а тут ещё вы и, — раздражённое движение плечом, — всё это.

— Доброго вечера, Мастер, — приподняв старинную высокую шляпу, поздоровался проходивший мимо пожилой мужчина. — Леди, — повторно приподнял он цилиндр (вспомнилось вдруг название).

— Здравствуйте, — несмело ответила я.

«Мастер» только сухо кивнул, неожиданно схватил меня за запястье холодной, будто стальной рукой, от чего я не сдержала едва слышный вскрик, и быстро куда-то зашагал, практически волоча меня за собой.

— Куда... Куда вы меня тащите? — спросила, немного придя в себя.

Сейчас мы были не в сумрачной спальне, и даже не одни. Теперь у меня есть возможность позвать на помощь и страх отступил, уступая место справедливому возмущению — да кто он

вообще такой, чтобы хватать меня и куда-то тащить?! Вот сейчас как закричу, и пусть потом разбирается с толпой свидетелей.

— Не советую привлекать лишнее внимание, — не оборачиваясь, отчеканил это «мастер», уж не знаю чего. — Последствия не доставят удовольствия ни мне, ни вам.

И я захлопнула, уже было, приоткрытый в готовности заголосить, рот.

— Правильное решение, — тихо прокомментировал всё больше пугающий меня тип.

И ещё больше ускорился. Так, что мне приходилось практически бежать за ним, потому что, были все опасения, что если не буду поспевать, волоком потащит. О да! Это, конечно же, не привлечёт внимания!

И он заметно сбавил скорость. Точно мысли читает! Да что же происходит? Где я? Кто все эти веселящиеся люди? И главное, кто этот жуткий тип... в смысле уважаемый и представительный мужчина — постаралась мысленно исправить.

— Вот только не Коля, — язвительно прошипел он, сильнее стиснув мою руку.

Ну а я-то тут причём?! Я что, виновата, что он не Коля? Но все возмущения из головы постаралась выкинуть, во избежание, так сказать.

Мы прошли вдоль улицы, периодически здороваясь с приветливыми людьми, свернули за угол и... сказка вдруг закончилась. Как обрезало! Шаг и гул голосов вперемешку с музыкой сменились тишиной и полумраком пустой ночной улицы. Даже света в окнах нависающих над нами домов не было.

Я обернулась, чтобы убедиться, что мне всё это не привиделось и... кажется, привиделось, потому что из-за угла даже отсвета фонариков видно не было. А странный мастер целенаправленно тащил меня за собой куда-то вперёд.

Мы пересекли пустую площадь, в центре которой смутно угадывались очертания какой-то статуи, ещё раз свернули, не сбавляя скорости ещё немного прошли вдоль высокого витого металлического забора и мужчина резко остановился. Я, не успев затормозить, врезалась в него и тут же отскочила, но недалеко, потому что он продолжал удерживать за запястье. Крепко удерживать, настолько, что наверняка синяки останутся.

Мою руку тут же отпустили. И даже своеобразно извинились, ну очень своеобразно.

— Могла бы и сказать, — заявил этот, вызывающий всё больше сомнений тип, открывая широкую калитку в заборе.

— Что? — переспросила я, покосившись на открывшийся проход, как мышь на мышеловку.

— Что больно, — рыкнул он и указал мне, собственно, на вход... неизвестно куда.

— П-после вас, — учтиво попятилась я.

— Дамы вперёд, — буквально источая яд, с нажимом произнёс он.

— Старшим нужно уступать, — выпалила я.

И вот зря я это сказала, наверное. То, как угрожающе сощурились глаза мастера, даже в полумраке едва освещённой лунным светом улицы было заметно. И плечи, его и без того внушительные плечи будто ещё шире стали.

А потом этот престранный индивид ещё и проговорил угрюмо:

— Да-да, я в курсе, что старик... в отличие от Коли.

— И сдался вам этот Коля! — не выдержав напряжения, воскликнула я.

— Мне? Нет, мне он не сдался, но я ему уже сочувствую, — ехидно протянул мужчина, ещё раз указав мне на распахнутую в темноту калитку.

— Это... угроза? — холодея, прошептала я.

— Это мужская солидарность! — рявкнул он. И как-то устало добавил: — Входи уже, а.

Я продолжала стоять на месте, испуганно поглядывая то на него, то туда, куда меня так настойчиво отправляли. Не хочу я туда идти! Там же не видно ничего! А вдруг там яма, или ещё что похуже.

Мастер как-то обречённо вздохнул, схватил меня за многострадальное запястье, посмотрел на наши руки и перехватил за ладонь. Отчего-то стало жутко неудобно. Когда тебя вот так бесцеремонно хватают за запястье — это одно, а вот когда за руку берут — совсем другое. Это уже... даже не знаю, интимно как-то что ли.

Мужчина тихо хмыкнул, но ничего говорить не стал, только первый шагнул в темноту распахнутой калитки, увлекая меня за собой.

Почему я не сопротивляюсь? Почему покорно иду за ним неизвестно куда? — задавалась я вопросами, собственно неизвестно куда следуя за неизвестно кем, в полной темноте. А этот неизвестно кто продолжал идти, уверенно, будто темнота ему совсем не помеха. Мы пару раз сворачивали, один раз я едва не упала, споткнувшись обо что-то, но мужчина придержал. Редкие просветы в непроглядной тьме сверху, позволили понять, что идём мы, видимо, по алее, а кроны деревьев, её окружающие, были такими густыми, что звёздное небо лишь иногда частично показывалось рваными клочками.

И вот мне бы хотя бы попробовать вырваться и убежать, но я почему-то не делала этого. Сама не понимала почему, но продолжала покорно идти за совершенно посторонним и откровенно нагоняющим ужас мужчиной.

— Потому-то не чувствуешь опасности, — вдруг проговорил он. И, предвосхищая мой вопрос, продолжил: — Если бы я хотел причинить тебе вред, уже сделал бы это. — Раздражённый вздох и не мене раздражённое: — А не возился бы с неумелой скользкой, вместо того, чтобы отсыпаться после непростых переговоров и перед ещё более сложной неделей.

Из всего сказанного им я уловила главное — он не хочет со мной возиться!

— Так отпустите меня, — внесла просто-таки шикарное предложение.

Нет, ну правда, ему со мной возиться не хочется, мне тоже не хочется, чтобы он со мной возился, что бы это ни значило. Всё совпало! Вот только он со мной был категорически не согласен. Что и озвучил, не скрывая злости в голосе:

— Я бы с радостью, но ты же опять заявишься. И мне это ни к чему. Сейчас я могу проконтролировать процесс и перекинуть тебя на кого-то другого. Если же ты явишься ко мне среди бела дня, да ещё и при свидетелях, придётся связываться. А мне это не нужно, ты мне не нужна!

Почему-то стало обидно. Сама не знаю почему, но вот, обидно как-то. Мотнула головой, прогоняя нерациональные эмоции, и постаралась разобраться в том, что только что высказал этот пренеприятнейший тип. Разобраться как-то не получалось, от слова вообще. Абракадабра какая-то! Впрочем, как и вообще всё происходящее.

И тут мы пришли. Как-то резко вынырнули из тёмной аллеи и очутились перед дверью, над которой тускло светился то ли фонарь, то ли ещё что-то. Лично у меня возникли ассоциации с теми самыми бумажными фонариками с праздничной улицы, только этот был не цветным, ну или с зависшим над дверью квадрокоптером, к которому кто-то прикрепил тусклый фонарь странной формы.

Мужчина открыл передо мной дверь, и вот там, за ней, был вполне нормально освещённый коридор. Даже глаза заслезились от резкой смены освещения.

— Прошу, — указал мне на этот коридор мастер неведомо чего. И язвительно спросил: — Или опять за ручку провести?

— Не надо, — слишком поспешно ответила я и шагнула вперёд.

Он вошёл следом за мной, закрыл дверь и, заявив «не отставай», пошёл вперёд. То есть, что я сбегу он уже не опасался. Что, в принципе, было логично, дверь за нами он закрыл и даже, кажется, запер. Мне же оставалось только покорно следовать за своим... похитителем? Нет, ну а что тут ещё можно подумать?!

— Вообще-то, это вы ко мне заявились, девушка, а не наоборот, — не преминул напомнить мужчина.

Спорное утверждение! Я к нему не заявлялась и даже не собиралась. Я шла к Коле Строганову, он ждал меня у своей машины, а потом я поскользнулась и... что-то пошло не так. Что-то совсем не так пошло. Настолько, что мне бы уже бить тревогу и впадать в истерику, хотя бы потому, что у нас зима, а тут, где бы это «тут» ни было, лето в разгаре, следовательно, я сейчас как минимум далеко от дома. А как максимум вообще неизвестно где. Ну или поехала умом и благополучно пускаю слюни, пребывая в мире галлюцинаций. Ещё был вариант, что я основательно приложила головой, поскользнувшись, и нахожусь в коме, или вообще умерла. Но последние варианты меня как-то не вдохновляли, поэтому пусть будет — я неизвестно где.

— А вам не чуждо логическое мышление, это не может не радовать, — условно сделал мне комплимент мастер... говорить завуалированные гадости.

Мы уже прошли через длинный коридор, свернули в следующий и остановились у двери, на которой висела вполне себе заурядная табличка с надписью «Архив». Это, как и некая нарочитая безликость коридоров, натолкнуло меня на мысль, что мы находимся в каком-то административном здании. А мои мысли, которые (не устаю удивляться) были открытой книгой для моего... хорошо, пусть будет спутника, а не похитителя, натолкнули его на странное заявление.

— Значит, не только язык, с письменностью тоже проблем нет. Это уже даже слегка интересно, — задумчиво хмыкнул он, открывая дверь архива. — И да, уж лучше думайте обо мне, как о похитителе. Спутником я становиться точно не намерен.

Да как бы не очень и хотелось — подумала я, но не сказала. Хотя, раз уж он мои мысли как открытую книгу читает, можно считать, что сказала.

Что он незамедлительно и подтвердил, заявив:

— И это хорошо, хоть в чём-то мы согласны.

Архив оказался... обычным. Меня это даже порадовало. После всего было как-то приятно оказаться с самым заурядным, банальным царстве стеллажей, уставленных папками. Прямо в родной стихии себя почувствовала. Не то, чтобы я частенько шлялась по всяческим архивам и библиотекам, но тут всё было как-то просто и понятно.

Ряды полок, маркировка по датам и буквам. Букв, кстати, почему-то оказалось чуть больше, чем должно было бы быть. Да и даты «порадовали» весьма не стандартными сочетаниями цифр. Короче, рано я обрадовалась — это был хоть и архив, но совсем не банальный.

Мастер, от которого у меня уже основательно сводило скулы (есть у меня такая особенность — когда рядом кто-то сильно раздражающий скулы сводить начинает и, как следствие, нервно губы облизываю), прошёл вдоль стеллажей, надёргал оттуда папок, штук восемь. Вернулся ко мне, указал на что-то среднее между конторкой и столом в углу помещения и, собственно, когда мы туда подошли, разложил на столешнице папки.

— Советую выбрать быстро, — поговорил он.

— Что выбирать? — спросила я, взирая на закрытые папки, на которых значились причудливые иностранные имена.

— Так, объясняю быстро, но доходчиво, — проговорил мужчина, с прищуром глядя на меня и открывая первую папку. — Вы... да к сумраку! Ты сейчас находишься не дома, не в родном городе и даже не в родном мире.

Меня основательно так переклинило и перекосило на словах «не в родном мире». Ну да ладно, я продолжаю слушать. А почему бы и нет? Тут уже даже удивляться как-то неудобно, после всего произошедшего. А что мозг закипает, так это пустяки. Надеюсь, весь не выкипит.

Мастер кивнул, принимая мой мысленный пассаж, и продолжил:

— Ты перенеслась из своего мира в Вестейн потому, что в тебе пробудился дар скольжения. Это способность перемещаться сквозь миры и пространства. Подробнее узнаешь на занятиях.

— На занятиях? — переспросила я.

Ну нужно же было хоть что-то сказать. Вот, сказала. Правда голос сорвался и показался каким-то чужим.

— Это, — неопределённо взмахнул рукой мужчина, — учебное заведение, Академия Скользящих. Тут подобные тебе учатся управлять своим даром.

Кивнула. Просто голос отказал. В таком состоянии я могла или кивать, как болванчик, или мычать. Мычать как-то совсем непрезентабельно, лучше уж кивать с умным видом.

— Обычно те, у кого просыпается дар скольжения, самостоятельно выбирают себе наставников, ориентируясь, скажем так, на энергетическую сочетаемость. Но в твоём случае это было невозможно, потому что ты не местная. Поэтому твой дар сам выбрал наставника и привёл тебя... ко мне, к моему искреннему неудовольствию, — поведал мой визави.

— И? — Да! Я смогла выразить свои мысли, и даже почти связно.

— И мне это не нужно! — раздражённо прошипел он. — Я уже лет пятнадцать учеников не беру. Некогда мне, понимаешь?

Мне кажется, или он оправдывается?

— Кажется! — рявкнул Мастер. И уже чуть спокойнее: — Сейчас ты выберешь себе наставника. Я помогу тебе перенестись к нему, он тебя примет, зарегистрирует, и на этом мы разойдёмся. К нашему общему удовольствию.

И всё бы ничего, складно всё так расставил по местам этот Мастер, прямо мастерски, да только у меня один вопрос остался. Да, вот такое чудо, всего один вопрос! Их было, конечно, раз эдак в сотню больше, но чтобы вот прям животрепещущий, только один.

— А почему я именно к вам попала? — собственно озвучила свой животрепещущий вопрос.

Как ещё не скатилась в истерику? Не знаю. Что-то внутри будто сдерживало. Подозреваю, это была уязвлённая гордость вперемешку с упрямством. Бесил меня этот Мастер, всем своим видом демонстрирующий, насколько я мелкая и незначительная проблемка, от которой нужно срочно избавиться.

— Случайность, — невозмутимо ответил он.

Чем выдал себя с головой! Ну просто я же уже знаю, что он мои мысли слышит, а тут я столько всякого про него думаю и такой спокойный, невозмутимый, категоричный ответ. Точно что-то нечисто! Да и эта его оговорка, про то, что наставников себе выбирают по сочетаемости там какой-то. Получается, мы с ним друг другу... хм, подходим?

Мастер скривился так, будто укуса хлебнул, покосился на меня, постарался принять невозмутимый вид и всё же угрюмо проговорил:

— Советую поспешить с выбором наставника. Иначе останешься вообще одна, а это, поверь, ни к чему хорошему не приведёт. Без руководства тебя может размазать по межпространству при следующем же спонтанном скольжении.

И я срочно озаботилась выбором наставника. Не то, чтобы я доверяла этому сомнительному типу, но как-то пробрало от его вкрадчивого тона. А я ещё жить хочу и, в идеале, вернуться домой.

— Выбирай с умом, — посоветовал Мастер. — Домой ты уже не вернёшься. Твой дар опасен для лишённого магии мира. Поэтому тебя сюда и вынесло.

И вот чего он хотел добиться этими словами? Явно не того, что у меня всё перед глазами расплываться начнёт. А оно расплывалось, потому что слёзы навернулись. Да такие, что глаза защищало, прямо как тогда...

Когда я узнала, что осталась одна, что бабули больше нет, казалось, дышать больше не смогу. Воздух калёным железом жёг, больно было каждый вдох делать. Но я пережила, и выжила. И даже когда совсем одна осталась, не бросила учёбу... потому что бабушка хотела, чтобы я доучилась. Начала сдавать комнату, ту самую, бабушкину, в нашей двушке, сэкономила, подрабатывать пошла. А потом узнала, что бабуля мне ещё и наследство оставила, небольшое,

но мне этого хватало. Как она этот процентный счёт в банке соорудила, при том, что мы едва концы с концами сводили, для меня было тайной. Но бабушка заботилась обо мне, даже уйдя за грань.

И я старалась, я экономила, я подрабатывала. Всё только для того, чтобы закончить обучение, потому что бабуля этого хотела. Полгода продержалась, и тут он, Николай Строганов. Он сам подошёл ко мне, заговорил, предложил встретиться. Для меня это было как чудо, настоящее чудо, о котором можно было только мечтать. Два года украдкой смотрела на него с тоской и тут такое! Да я ради этого свидания сняла с и так неумолимо скудеющего счёта почти половину того, что там осталось! Я купила самое лучшее платье в своей жизни! Я готовилась, я верила...

И вот теперь я стою в этом дорогом платье перед каким-то чужим мужиком, а глаза опять жжёт от слёз, как тогда, в день смерти бабушки.

— Мне жаль, — вдруг тихо проговорил он.

И я себя оплётанной почувствовала. Оплётанной и обманутой. Он не имел права всё это увидеть, услышать, или как он там мои мысли воспринимает. Просто не имел права! Это только моё! Это не его собачье дело, это вторжение в личное пространство и вообще.

— Выбирай, — едва слышно поговорил он. — Я не буду торопить.

И отошёл, будто намекая, что у меня есть выбор, есть что-то, кроме вот этого всего. Облаготельствовал! От этой нарочитой жалости только хуже стало. Ещё и злиться начала. Не знаю, чего он ждал, но я схватила первую попавшуюся папку и выпалила:

— Выбрала.

В самом деле, о каком выборе может идти речь, если я ничего не знаю и не понимаю? Даже прочти я содержимое всех этих папок, разве поняла бы что-то? Сомневаюсь. Сейчас мне хотелось только одного — избавиться от того, кто заглянул туда, куда не следовало. Просто сбежать, отгородиться, не быть такой жалкой и открытой.

— Как пожелаешь, — проговорил он, поджав губы, которые и без того казались каменными, так чётко были очерчены, и забрал папку из моих трясущихся рук. — Интересный выбор, но так даже лучше.

Недоумённо взглянула на него и, наверное, зря. Он будто за этот взгляд и зацепился.

— Точно, — проговорил, вспомнив что-то. — Постой спокойно и не моргай.

— Это ещё зачем? — насторожилась я.

Мастер посмотрел на меня с прищуром и, вдруг, улыбнулся. Коварненько так, совершенно неожиданно. И эта улыбка преобразила его, сделала не таким отталкивающе высоким. Но меня это преобразование только ещё больше насторожило.

— Ты же тоже хочешь поскорее от меня избавиться, — вкрадчиво произнёс он.

— Ну... допустим, — ответила неуверенно, чувствуя какой-то подвох.

— Вот и стой смирно, чтобы тебя... не вернули мне, — припечатал мужчина.

А потом небрежно бросил на стол папку, которую у меня забрал, схватил меня за плечи и навис, как туча. Я бы попятилась, но держал он крепко. И жёстко приказал:

— В глаза смотри.

Уставилась на него широко распахнутыми от страха и удивления глазами. И замерла, не по своей воле! Просто окаменела, ни вдохнуть, ни пошевелиться.словно параличом сковало.

А он смотрел. И его серые, отливающие сталью глаза будто увеличиваться начали, затмевая собой всё вокруг. Как удав, гипнотизирующий жертву — мелькнула и потонула в мягком сумраке мысль.

Очнулась, повиснув на руках этого мастера... одним взглядом вырубать. В голове был лёгкий туман, ноги слегка подкашивались, но я всё равно отстранилась и отошла от него подальше, переживая приступ головокружения.

— Какая ты чувствительная, — недовольно поморщился он. — Попроси наставницу научить тебя ставить ментальные блоки. И не затягивай, иначе долго не выдержишься.

Я... кивнула. Ничего не понимала, но кивнула, просто чтобы отстал уже. И так плохо было невероятно, мутило, как после отравления.

— Скажешь, что ничего не понимаешь, была только что... с Колей своим и вдруг очутилась здесь. Про меня ничего не рассказывай. И вообще не вспоминай. Я блок на считывание мыслей о себе поставил, но лучше не рисковать, — быстро заговорил мужчина. — И запомни — ты перенеслась сразу к Кассиди, не было меня. Всё поняла?

— Поняла, — выдавила, борясь с всё больше подступающей тошнотой.

— Да что ж ты такая недотрога-то? Я же осторожно, — возмущённо проворчал он.

Шагнул ко мне, схватил за предплечье, прежде чем отшатнуться успела, и положил горячую сухую ладонь на мой лоб. Тошнота тут же отступила.

— Так-то лучше, — хмыкнул Мастер.

А в следующее мгновение я вдруг почувствовала, будто падаю. Куда-то неудержимо падаю. Бамц! И визг, пронзительный женский визг. Я вскочила, испуганно осматриваясь. Осмотрелась на свою голову...

## Глава 2

— Так, значит, говоришь, никогда раньше с тобой подобного не происходило? — слегка нервно спросила привлекательная жгучая брюнетка лет тридцати на вид, представившаяся профессором Кассиди Энро, поправляя лёгкий шёлковый халатик.

— Да, — немного неуверенно кивнула я.

Мы сидели на уютной кухне и пили чай. Вернее, она пила, крепкий, почти непроницаемо чёрный холодный чай из винного бокала. Я же сидела, держа спину ровно, будто лом проглотила, и отвечала на вопросы.

Профессор Энро была слегка на взводе и... навеселе, что и пыталась исправить крепким чаем. И мне тоже гостеприимно плеснула холодного, пахнущего мятой напитка. Но по её взгляду было очевидно — мне не рады. Да и как тут радоваться, если я ввалилась в её спальню в момент, когда она была там не одна и занималась тем, в чём третий явно был лишним.

До сих пор в ушах стоит её визг и отголоски отборной брани её партнёра. Но визжать она быстро перестала, сходу разобравшись, что к чему. А вот друг профессора Энро успокаиваться не желала.

Заявил гневно:

— Ну, заешь ли, Касс, мне такие развлечения ни к чему. Для здоровья вредно.

После чего быстро оделся и ушёл, громко хлопнув дверью.

И его можно понять! Я же свалилась прямо в кровать, на них... Лицо всё ещё пылало стыдом, а из головы не шли воспоминания о том, как они... а я на них... Кошмар!

— Ты не могла бы сосредоточиться на чём-нибудь другом? — одарив меня очередным, граничащим с ненавистью, строгим взглядом, раздражённо передёрнула плечами профессор Энро, отчего скользкий шёлк сполз с одного из них, оголяя смуглую кожу.

Да, она тоже слышала все мои мысли. И они её всё больше тревожили.

Профессор поправила полу халата, затянула пояс потуже и продолжила допрос:

— Вспомни ещё раз в подробностях, как всё произошло. Почему я чувствую слепое пятно в твоих воспоминаниях?

Я послушно прокрутила в памяти, как иду по красной дорожке к Коле, поскальзываясь и... Воспоминания такая штука, ими управлять практически невозможно. Поэтому вспоминала я всё последовательно — падение, скольжение по заледеневшей дорожке, встреча с голым Мастером, поход с ним, но уже одетым, в архив и, наконец, появление в спальне увлечённой друг другом парочки. Щёки опять запылали стыдом.

— Ничего не понимаю. Куда подевался отрезок между падением и появлением у меня? — нахмурилась профессор Энро. — Ты головой не ударялась, когда упала?

— Не знаю, — ответила с предельной честностью.

Я и правда всё ещё подумывала о таком варианте. Удар головой объяснил бы происходящее лучше всего. Вот только слишком уж правдоподобно выглядит весь этот бред. Чересчур правдоподобно, я бы сказала. Такое я не смогла бы придумать, даже если бы приложила головой не один раз, а с десяток! Да и ощущения были очень даже натуральными, и чувства. Ну не может такое привидеться! Чего только стоит пробирающийся буквально под кожу, замораживающий взгляд Магистра...

— И вот опять! Слепое пятно! О чём ты сейчас думаешь? — подалась вперёд профессор.

— О том, что я, надеюсь, не сошла с ума... пока, — ответила, вымученно улыбнувшись.

— Ну, это тебе точно не грозит, можешь не переживать, — усмехнулась она, откинувшись на спинку стула и отпив пару глотков из бокала. — Я ещё не встречала так стойко воспринимающую первое скольжение иномирянку из сумрака.

— Из сумрака? — переспросила я.

— Да, миры и пространства лишённые магии у нас называют сумраком. Там нет света живой энергии, — пояснила профессор Энро. — Ты как раз из такого, пустого сумрачного мира. Поэтому тебя сюда и вынесло. Вообще, такое очень редко случается, в сумрачных мирах одарённые если и появляются, то чаще всего так и не пробуждаются. А ты вот, пробудилась почему-то.

— И почему? — спросила, судорожно вздохнув.

— А не знаю, дорогая, — развела она руками. — И ещё более непонятно, почему тебя перенесло именно ко мне. Я, знаешь ли, хоть и неплохой специалист в сфере скольжения, но всё же не Мастер. Нет у меня нужного потенциала, чтобы призывать подобных тебе.

Я... промолчала. Так и молчала, думая о том самом Мастере, к которому меня изначально забросило. Получается, это он меня призвал? Но почему тогда тут же постарался избавиться? Ничего не понимаю!

— Ладно, вижу, тебе тяжело пока всё это переварить. Будем разбираться постепенно, — улыбнулась профессор Энро. — Начнём с малого. Как тебя зовут?

И она пододвинула к себе листок, который достала из сумки ещё в самом начале нашего необычного знакомства, сразу после того, как её любовник ушёл, хлопнув дверью. Перехватила поудобнее ручку, необычную, похожую чем-то на старую перьевую, не из настоящего пера, а такую деревянную, со сменными насадками разной ширины, которые обычно макают в чернила, но чернил на столе не наблюдалось, и выжидательно посмотрела на меня.

— Имя, — поторопила меня профессор.

Я вздрогнула, перевела взгляд с ручки с тонким металлическим «пером» на конце на неё и представилась:

— Эль. То есть Алла Анатольевна Зарова. Но все меня называют Эль.

Профессор кивнула, записывая просто-таки каллиграфическим почерком. Причём после имени в скобочках указала «Эль». И опять подняла на меня взгляд.

— Дата рождения, — начала я, взглянув на листок, который оказался каким-то бланком и следующей графой после имени там как раз дата рождения значилась.

— Нет, — перебила она. — У нас другое летоисчисление. Просто возраст скажи и когда следующий день рождения.

— Девятнадцать. Двадцать исполнится... — задумалась, подсчитывая, — через шестьдесят два-шестьдесят три дня.

Профессор кивнула, записала. А я не удержалась от вопроса.

— А у вас год сколько дней длится? И день сколько часов? А час?

Профессор Кассиди улыбнулась и объяснила мне, как маленькой, с покровительственной улыбкой:

— Всё так же, как и в твоём мире. Иначе ты не смогла бы проскользнуть сюда. Законы времени прямо влияют на процесс перемещения. У нас минута длится шестьдесят секунд, час шестьдесят минут, сутки двадцать семь часов, а год триста двадцать четыре дня, в основном. Всё верно?

— Нет, — как-то настороженно помотала я головой. — Год триста шестьдесят пять дней, сутки двадцать четыре часа. А секунда у вас сколько длится?

— Момент, — нахмурилась профессор Энро, отложив ручку и, то ли отвечая на мой вопрос, то ли прося подождать. — Я не поняла, ты что, из другого пространство-времени сюда выскользнула?!

— Не знаю, — прошептала я, ничего не понимая.

Вернее, я начала понимать, что, кажется, у меня не просто проблемы, а проблемы вселенского масштаба! Я тут мало того, что в другом мире, так ещё и, кажется, что-то нарушила. Какое-то правило, о котором понятия не имею!

— Так, мне всё это не нравится, — отчеканила профессор, поднимаясь и сгребая ручку, бланк, бокал с чаем.

На чай она покосилась, выпила залпом, оставила бокал и приказала:

— Сиди здесь. Ни шагу никуда! Я сейчас вернусь.

И вышла из кухни, ворча:

— Не хватало мне ещё обвинения в нарушении циклов. Вот же проблема. Оно мне вообще надо...

Она что-то ещё говорила, но я уже не могла разобрать. Посидела с минуту, прислушиваясь к удаляющимся шагам, встала, крадучись подошла к двери, приоткрыла — тишина. И я побежала!

В тусклом освещении бежала наугад, стремясь быстро, но осторожно и тихо убраться отсюда как можно дальше. Дверь на улицу, на удивление, нашла без труда, тут сложно было бы заблудиться, дом оказался небольшой и в нём было интуитивно легко ориентироваться. Как бы ни отличался этот мир, а архитектура тут была вполне привычная, мало чем отличающаяся от родной... земной.

Выбежала наружу, пронеслась по пустой тёмной ночной улице, свернула за угол, раз, другой, третий, и остановилась, тяжело дыша. Привалилась к глухой стене в каком-то сомнительном проулке, едва не сползая по ней на землю, и на мгновение прикрыла глаза. Страшно...

Почему сбежала? Да просто знаю я этот хмурый осуждающий взгляд, которым одарила меня профессор Кассиди Энро напоследок. Ты проблема и ты во всём виновата — называется.

Мне, к сожалению, уже приходилось сталкиваться с такими взглядами. И проблем после этого было столько, что и вспоминать не хочется. Когда, спустя пару месяцев после смерти бабушки, мне пришло уведомление из банка, я была удивлена, но даже предположить не могла, что, придя по этому уведомлению, встречу того, кто будет оспаривать мои права на счёт, именно, открытый бабушкой для меня. Счёт, о котором я даже и не знала до этого!

А он, тот, кто хотел оспорить, вдруг появился. Причём, это оказался наш сосед по лестничной площадке, Игорь. Он притащил какие-то расписки, бумажки, заверенные нотариусом, и едва ли ни с пеной у рта доказывал, что бабуля должна ему довольно ощутимую сумму за то, что он ухаживал за ней, когда я, «беспутная внучка с сомнительной репутацией» бросала немощную старушку на произвол судьбы». У него были связи в банке, у меня нет...

Но он врал, грязно и нагло, не было такого! Не бросала я никогда бабулю, всегда рядом была. Да и не была она немощной, до самого конца. Ушла внезапно и тихо.

Игоря разоблачили, но я никогда не забуду ту несправедливость, те пренебрежительные, осуждающе-брезгливые взгляды работников банка, а потом и судебных приставов. Мне не верили, меня считали... даже думать не хочется, кем. И вот сейчас я опять увидела этот взгляд.

Уж не знаю, что я там нарушила своим появлением в этом мире, но была практически уверена — профессор Энро выставит меня виноватой в чём-то очень нехорошем. И, соответственно, ничего хорошего мне это не принесёт.

И вот сейчас я стояла в тёмном переулке... другого мира, и совершенно не знала, что делать. Куда податься? У кого просить помощи, или хотя бы совета? Да не у кого! Я одна, совершенно одна... в чужом мире. И я тут чужая, ничего не знаю об этом месте, да ещё и виновата в чём-то. Просто «превосходные» перспективы! Но зато красивая, в этом ненавистном дорогом платье и на каблуках. Помирать, так с музыкой — как сказала бы моя вечно позитивно настроенная соседка Настя, которой я сдавала бабушкину комнату.

— Эй, ты чего стоишь тут, малая? — вдруг вынырнул из темноты какой-то мужчина... сомнительной наружности. — Заблудилась что ли?

Я вздрогнула и попятилась, нервно вцепившись в подол своего распрекрасного платья, которому совсем не место в таком месте. В смысле, мне тут не место, тем более в такой ком-

пани. В общем, страшно мне очень стало и я, конечно же, сразу выдала весь свой страх. И зря, очень зря.

Он тут же приосанился, посмотрел на меня с прищуром, оценивающе так, и... вдруг предложил:

— Подзаработать хочешь? Вижу, не простая, с силами. Могу договориться. Что можешь-то?

Я продолжала молча и настороженно смотреть на этого сомнительного гражданина иного мира, невольно вжимаясь в стену и пятясь. Он моё поведение растолковал своеобразно.

— Из этих, что ли? — спросил, окидывая меня оценивающим взглядом. — Ну, точно! Расфуфыренная вся, а никаких амулетов и других маговских примочек нет. Оно и понятно, на что они тебе, если пользоваться не умеешь. Что, погнал тебя твой богатей, да?

Что? Какой богатей? Что он несёт?!

— А вот учиться надо было, — наставительно заявил этот тип бандитской наружности. — Мордашкой-то долго не поторгуешь. Выгнали и что теперь?

Я отчаянно помотала головой, всё ещё пребывая в ужасе... да от всего этого вечера, но и возмущение всколыхнулось. За кого он вообще меня принимает?!

— Чего головёнкой трясешь? Не выгнали? — прищурился бандюга.

— Н-нет. Никто меня не выгонял. Я сама... сбежала, — ответила, чуть выдохнув.

Вроде бы нападать не собирается, и то хорошо. Да и с чего бы ему на меня нападать? У меня же из ценностей одно платье и есть. Но сомневаюсь, что этот мужик в состоянии его стоимость на глаз определить.

— Пряма так и сама? Вот дура баба! Её кормят, одевают. А она в бега подалась, — удивился он, противореча своим же собственным словам про то, что учиться надо было, а не «мордашкой торговать». — Бил что ли? Следов вроде не видать. Хотя маги же, эти умеют так бить, чтобы следов не оставалось.

— Никто меня не бил! — воскликнула, окончательно запутавшись в умозаключениях этого типа.

— Ты чего мне голову морочишь? — насупился он. — И не били, и не гнали, а сама по подворотням холёная шляешься. Не бывает так!

Мне оставалось только руками развести, всем своим видом демонстрируя, что вот, бывает. Не пускаться же в объяснения, как я до такой жизни докатилась. А меж тем на улице была уже глубокая ночь, я основательно продрогла и проголодалась.

— Ладно, не бросать же тебя тут подыхать, — заметив, как я поёжилась от ночной прохлады, махнул рукой мужик. — Идём, накормлю хоть, погреешься. А там уже решим, куда тебя пристроить. Зови меня Никлом, вообще-то я Никалус, но все Никла называют.

И я пошла за ним. Частично потому, что действительно замёрзла и проголодалась, а частично потому, что... ну Коля же! Не мой Коля, конечно, но такая схожесть имён показалась мне знаком. Всё равно податься некуда, а тут хоть какой-то вариант. Сбежать, если что, я потом ещё успею. А вот поесть нужно уже сейчас.

По моим подсчётам с тех пор, как я поскользнулась и оказалась в спальне Мастера прошло около двух-трёх часов. Немного, но ведь весь день до этого не ела, слишком волновалась перед свиданием. Как оказалось, не зря, хоть и не по тому поводу.

Мы углубились в подворотню, протиснулись в узкий тёмный проход между двумя домами и вышли на другую улицу. И эта улица была совсем не такой, какие я видела здесь раньше. Много людей, мусор, разношёрстные дома, в основном старые и запущенные, шумные разговоры, вызывающий женский смех, запах спиртного и слабое освещение. Вдоль улицы, на приземистых металлических столбах, коптели тусклые фонари, старинные такие, керосиновые, или что-то схожее. И вообще, весь окружающий антураж этого мира навевал ассоциации с началом девятнадцатого века, как я его себе представляла. А вид конкретно этой улицы вызвал

в памяти ещё и выражение — злчное место. Да, именно так можно было охарактеризовать всё это. Что в принципе логично, учитывая то, кто меня сюда привёл.

— Ты не отставай, малая. Вижу, боишься, — обернувшись, усмехнулся Никла. — А тут смотри, не зевай. Только приметят слабость, сразу... хм, к делу пристроят.

И как по заказу, к нам подскочил какой-то парнишка в засаленной тряпичной кепи. Окинул меня цепким оценивающим взглядом, усмехнулся и спросил у моего спутника:

— Чего, опять убогих подбираешь, Никла-барыга?

— Ты за языком-то поганым следи, — рыкнул Никла. — Какой я тебе барыга?! Иди давай отседова, соплячье!

И я как-то неосознанно, бочкой, подошла к Никле поближе, инстинктивно ища защиты. Он, почему-то казался мне приличным мужиком, насколько это в принципе возможно, учитывая среду, в которой он вращается. Подкупало ещё и то, что он был уже относительно не молод, лет сорок пять на вид, и подчёркнуто называл меня «малая», да и смотрел он на меня скорее с жалостью, чем с мужским интересом. В отличие от того же «соплячья» в кепи. Тот как раз без стеснения облапил взглядом.

— Не бойсь, — подмигнул мне Никла. — Пока со мной будешь, никто не обидит.

— Спасибо, — поблагодарила я, сильно сомневаясь в своём решении довериться местному преступному элементу.

Но, как говорится, работаем с тем, что есть. За неимением лучшего, и покровительство «барыги» можно считать благом. Только скрыться бы от ошупывающих взглядов со всех сторон. Отогреться, поесть, и расспросить Никлу о... магах. Сама в шоке от таких мыслей, но, опять же, работаем с тем, что есть. Он заикнулся про магов, которыми, я так поняла, являются Мастер и профессор Кассиди Энро. А теперь, выходит, что и я.

Лично я в себе никаких изменений и волшебных сил не чувствовала, но даже представитель местной бандитской сферы что-то во мне углядел. А раз углядел, значит, и объяснить хоть что-то сможет.

И тут, когда мы уже почти дошли до приземистого, старого домика с покосившейся крышей, на который указал мне Никла, нам неожиданно заступили дорогу. Их было двое, молодые парни, в приличной, по сравнению со всеми остальными обитателями этой улицы, одежде. И они явно была весьма недружелюбно настроены.

— Шла бы ты, малая... дальше, — указав мне взглядом на старый домишко, — тихо проговорил Никла. — А у меня тут... дело.

— От чего же? Пусть останется, — усмехнулся один из заступивших нам путь. — Девушка приличная, а от хорошей компании отказываться невежливо.

— А заодно и приценимся, — улыбнулся второй. — Что, Никла-барыга, нашёл, чем долг погасить?

И оба парня уставились на меня. М-да...

Я стояла чуть боком к этим сомнительным парням, прячась за Никлой, но всё равно чувствовала, как меня пристально разглядывают. Нехорошо так, придирчиво, оценивающе и в то же время обесценивающе. Будто я не человек, а какой-то товар. Мерзко, неприятно и страшно. Отступила на шаг назад и замерла, когда Никла схватил меня за руку.

— Вы, ребятки, обознались, — проговорил он, сжимая мою похолодевшую от страха ладонь. — Не моя это девочка. И вам лучше не знать, чья она. Живее будете...

Парни ещё раз оценивающе взглянули на меня и... отвернулись! Как-то забеспокоились оба сразу, надвинулись на Никлу, один схватил его за грудки, притянул к себе и прошипел:

— Ты не затягивай с долгом-то, Никла-барыга. Хозяин ждать не любит.

— И девочку эту, — кивнул на меня второй, — можешь сколько угодно беречь. А как Астар про неё узнает, всё равно заберёт.

— Ты и расскажешь? — враждебно спросил его Никла.

— Нет, не скажу. А толку, её тут все видели, — как-то невесело усмехнулся разговорчивый парень. Повернулся ко мне и посоветовал: — Уходи отсюда, никто тебе тут не поможет. Даже если там, — неопределённый кивок головой, — ищут, всё равно уходи. Как бы там плохо ни было, здесь будет хуже.

Я во все глаза смотрела на него и никак не могла понять — зачем он мне это говорит? Он же сам из этого бандитского мира, сам ко мне даже приценивался. И тут советует бежать.

— Ты бы сам поостерёлся, Эллис, — тихо проговорил Никла. — Эта девочка, — кивнул он на меня, — тут не задержится. А нам с тобой ещё жить с Астором.

— Так зачем притащил её сюда? — вдруг зло спросил Эллис. — Подразнить зверя решил? Девчонку бы пожалел.

— Эй, Элл, ты идёшь? — позвал друга уже прилично отошедший от нас спутник разговорчивого парня.

— Иду, — обернувшись, крикнул он, повернулся обратно и произнёс угрюмо: — Не губи девчонку, выведи на чистые улицы. Там всяко лучше.

— Сам знаю, не учи учёного, — огрызнулся Никла, но голову опустил. — Чего встала? Живо в дом, — прикрикнул он на меня, когда Эллис отошёл от нас. — И откуда ты только взялась такая беспомощная? Возись теперь с тобой. Это ж надо, даже поборники Астора не позарились, пожалели. Какой же нужно быть, чтобы и они не забрали!

Я и сама не понимала, что только что произошло. Почему меня вдруг пожалели? Явно же не милые мальчики, так, погулять вышедшие. Особенно не шёл из головы пристальный взгляд Эллиса, такой тревожный, озабоченный и... Было что-то ещё в этом взгляде, как и во всём парне. На вид он был примерно моим ровесником, плечистый, уверенный в себе, симпатичный в меру и... какой-то странный. Чувствовалось в нём что-то необычное, не вписывался он в весь этот бандитско-криминальный антураж.

— Поторопись, — дёрнул меня за руку Никла. — Отсидеться нужно.

И мы вошли в дом. Старые, наполовину истлевшие ступени натужно заскрипели, того и гляди проломаются, дверь открылась с просто-таки душераздирающим скрипом, будто от боли застонала.

Внутри было темно, сыро и неприятно пахло: затхлостью, грязью, плесенью и чем-то ещё, неуловимо отторгающим, настораживающим, плохим.

— Проходи, не стой в дверях, — подтолкнул меня Никла. — Звиняй, прислуги нет. Сама уж как-нибудь.

Он захлопнул дверь, задвинул большой деревянный засов, обошёл меня, толкнув плечом, зашуршал чем-то. И тут же вспыхнул тусклый, желтоватый свет. Это Никла зажёл лампу, старинную, чадающую, покрытую толстым слоем сажи. Из-за сажи закопчённая лампа едва ли освещала больше пары метров вокруг, но мне и этого хватило, чтобы разглядеть обшарпанные, некогда покрытые тканью, которая теперь свисала лохмотьями, стены, пол с облупившимся, местами вздыбленным паркетом и лестницу с чудом сохранившимися, искусно вырезанными из чёрного дерева перилами. Но эта лестница вела в никуда, она доходила до потолка и обрывалась, дом-то был одноэтажным.

Так странно, будто это и не маленькая одноэтажная лачуга, а кусок большого, когда-то блистающего дорогой отделкой, а теперь основательно запущенного и обветшавшего дома.

Пока я осматривалась в полумраке, Никла скинул потрёпанную куртку, бросил её прямо на пол в тёмный угол и, подхватив лампу, махнул мне рукой:

— На кухню пошли. Изысков не жди, но накормлю, чем есть.

«Чем есть» оказалось слегка зачерствевшим хлебом, сыром с плесенью, отнюдь не благородной, и парочкой каких-то то ли фруктов, то ли овощей, заметно повядших и скукожившихся. Никла быстро порезал хлеб ржавым, сомнительного вида ножом, аккуратно, чтобы не срезать лишнего, убрал плесень с сыра, почистил зелёные сморщенные плоды. Соорудил из

всего этого бутерброд и протянул мне, кивнув на заметно покосившийся стул, что стоял у покрытого настолько засаленной и грязной скатертью стола, что я её и разглядела-то не сразу. Но продукты мой неожиданный защитник резал на бумаге, чистой. Поэтому бутерброд я взяла, проверила стул на предмет устойчивости и осторожно присела на краешек.

— Спасибо, — выдохнула, примеряясь к угощению.

Да, это не было изысканным блюдом, но и я не в том положении, чтобы нос воротить. Живот уже сводило от голода, а впереди была неизвестность. Кто знает, когда ещё поесть удастся. Да и не такое есть доводилось.

Когда бабушка только умерла и я ещё не знала об оставленном ею счёте, мне приходилось выживать, как могла. Растягивала имеющиеся в доме продукты настолько долго, как только можно. Но спустя месяц даже крупы и лапша закончились. Так что были в моей жизни времена, когда завтракать приходилось чаем и парой старых, чудом завалявшихся в шкафу печенек, а на ужин и того не оставалось. И этот бутерброд из несвежих продуктов, в сравнении с тем, что я пережила тогда, выглядел очень даже неплохо.

Пока я с аппетитом ела, Никла как-то удивлённо и даже недоверчиво смотрел на меня. В результате покачал головой и протянул мне пузатую бутылку из чёрного стекла.

— Нет, спасибо, — помотала головой, прожевав. — Я алкоголь не буду пить.

— Вода это, — хмыкнул он и всунул бутылку мне в руку.

Сам достал из темени покосившегося кухонного шкафа ещё одну такую же бутылку, устроился прямо на полу, потому что стул здесь был только один, и принялся есть остатки продуктов, прямо так, не сооружая из них бутерброд, а кусая по очереди.

Вонючая дымящая лампа, стоявшая на другом конце стола, потрескивала и периодически едва не гасла, но продолжала освещать тёмное помещение хоть как-то. Что примечательно, из окон сюда не проникал даже лунный свет. Стёкла были непроглядно чёрными. Такие грязные или просто закрашены? Спросить я не решилась.

Никла и так мне очень сильно помог, что его уже не радовало, судя по мрачным взглядам и вздохам. Похоже, у него из-за меня будут проблемы. Неудобно как-то вышло, но помочь я точно ничем не смогу. Оставалось только быть тихо благодарной и не создавать ещё больших проблем.

Как только я доела и выпила почти всю воду, вкусную, кстати, чистую и слегка сладковатую, такая в родниках бывает, Никла поднялся с пола, отряхнул руки от крошек доеденного хлеба, подхватил лампу и проговорил:

— Пошли, определяю тебя куда-нибудь.

И я покорно пошла за ним. Почему-то была уверена, что он меня не обидит. А с чего такая уверенность — я и сама не могла понять.

— Вот тут ложись, — кивнул он на старый диван, приведя меня в соседнюю с кухней комнату. — Время уже позднее, отдохни немного. Утром, пока Гнилой квартал спать будет, выведу тебя на чистые территории.

— Гнилой квартал? — переспросила я.

— Ты совсем какая-то недалёкая, будто не от мира сего, — покачал он головой, пристраивая лампу на пол у дивана. — Будто ничего не знаешь. Неужто твой богатеи тебя в таких условиях держал, что жизни вообще не видела?

Я только руками развела. Не признаваться же ему, что я вообще не из этого мира. Кто знает, какотреагирует. Вдруг выгонит сразу же. А я понятия не имею, где нахожусь и куда идти.

— Ложись уж, — махнул рукой на диван Никла.

И сам улёгся прямо на пол, чуть в стороне. Только какие-то старые тряпки приволок из угла и бросил, чтобы помягче было. Так неудобно стало.

— А может я на полу... — начала растерянно.

— Спи уже, убогая, — прокряхтел Никла ворочаясь, чтобы поудобнее устроиться. И погасил лампу, от чего всё вокруг погрузилось в полную темноту.

— Спасибо, — прошептала я, наощупь опускаясь на противно заскрипевший диван.

Долго пыталась улечься, но в бока всё время впивались какие-то бугры. Так и замерла, чтобы не скрипеть диваном. Не усну, так хоть подумаю.

— Как тебя звать-то, несчастная? — тихо спросил Никла, когда я затихла.

— Эль, — ответила полушёпотом.

— Спи, Эль. Утром оно легче станет. Может и придумаем, что с тобой делать, — вздохнул Никла и замолчал.

Может, и придумаем, — мысленно повторила я за ним. Только что же тут придумаешь? В такой патовой ситуации я ещё никогда не бывала. И что делать, совершенно не знала.

Обдумать бы всё не помешало, взвесить, но я и сама не заметила, как уснула, устала очень, морально вымоталась. И вот спать бы мне, пока есть возможность, да только почему-то сразу же приснилось невесть что. Сначала стало вдруг мягко, будто не на кривом старом диване лежу, а в удобной тёплой кровати. А потом послышался возмущённый возглас:

— Опять ты!

Я поворочалась, прогоняя неприятное сновидение, устроилась поудобнее и опять начала проваливаться в сон. Сквозь сон и услышала тихое:

— Ладно, спи уже. Утром разберёмся.

## Глава 3

Я проснулась от того, что было жарко. Очень жарко. А ещё дышать тяжело. Платье что ли перекрутилось и сдавило рёбра? Попыталась поправить одежду, но руки натолкнулись на какое-то препятствие. И я резко распахнула глаза.

Вокруг было темно, но не так, чтобы совсем непроглядный мрак. Этого едва уловимого света хватило, чтобы понять — я больше не в доме Никлы! Не в его доме, не на его диване, и рядом кто-то есть, тоже определённо не Никла!

Поворачивать голову было страшно, ещё страшнее осознать, что это не платье мне рёбра сдавило, а чья-то рука, по-хозяйски обосновавшаяся на мне и перехватившая поперёк, прямо под грудью. Когда же почувствовала ещё и дыхание на виске, вообще паника началась. Ну и да, было жарко, потому что рядом со мной, прижимаясь, лежал мужчина, совершенно точно, горячий, как печка, мужчина! В бедро кое-что характерно упиралось, что-то, что уже явно проснулось, вперёд хозяина...

И тут прямо над ухом прозвучало сонно-недовольное:

— Ты так громко думаешь. Разбудила.

В следующее мгновение руку с меня убрали, откатились в сторону и посетовали:

— Мало. Ещё бы часа два поспать. — И с нарастающим раздражением: — Одни проблемы от тебя.

Он поднялся с кровати и куда-то ушёл. Я же лежала без движения, смотря исключительно на темный, едва угадывающийся в полумраке потолок. Потому что уже знала, Мастер, а это определённо был он, спит голым. Совсем голый! И в одной кровати со мной! Ещё и обнимал во сне. Ужас какой.

Но, как оказалось, ужас был ещё впереди. Спустя бесконечно долгую минуту он вернулся в спальню, и тут же стало значительно светлее. Это Мастер шторы открыл, причём на расстоянии. Он так и стоял у изножья кровати, а шторы взяли и распахнулись все разом!

Мельком взглянула на него, отметила, что уже не голый, натянул свободные чёрные штаны, и опять уставилась в потолок. И понимаю же, что нужно встать с чужой, между прочим, кровати, сказать хоть что-то, а не могу. Просто не могу! Он шторы на расстоянии раздвинул, и сомневаюсь, что это механизм какой-то, пульта у него в руках не было.

И холодок по спине. А что он ещё может сделать вот так, одним взглядом или взмахом руки? Магия... Вот тебе и сказка, Алла, самая жуткая сказка с волшебством, прямо-таки каноническая, в стиле братьев Гримм.

Мастеру, видимо, надоело слушать мои панические мысли, он сложил руки на груди, отметила это периферическим зрением, и произнёс весьма враждебно:

— Может, объяснишь, что ты тут делаешь?

Сказать, нужно срочно что-то сказать!

— Лежу, — выдохнула полушёпотом.

Лежу в чужой кровати и никак не могу заставить себя встать. Инстинкт, наверное, сработал. Тот, который «Лежачих не бьют». Но сомневаюсь, что в такой ситуации удастся притвориться мёртвой и понадеяться, что меня просто оставят валяться здесь, сколько пожелаю.

— Правильно сомневаешься, — хмыкнул Мастер.

Подожёл к кровати, с другой стороны от меня, присел, растёр лицо ладонями, устало вздохнул и, оставаясь спиной ко мне, спросил:

— Так почему ты здесь? Почему Кассиди не выдала тебе браслет?

А за окном был рассвет, солнечные лучи ещё не добрались до комнаты, но уже было достаточно светло, чтобы в полной мере осознать, насколько я влипла. Нет, я это гораздо раньше поняла, но с наступлением утра оно как-то острее почувствовалось.

— Так почему ты здесь? Опять! — чуть повысил голос Мастер, возвращая меня в суровую реальность.

— Не знаю, — честно ответила я.

И обречённо сложила руки под грудью, по-прежнему глядя исключительно в потолок. Действительно, почему я здесь? Вот где угодно лучше бы оказаться, но только не здесь!

— Я перенёс тебя к Кассиди Энро, которую ты сама выбрала. Она должна была зарегистрировать тебя и выдать ограничивающий браслет, — вставая и разворачиваясь ко мне всей своей мощной полуобнажённой фигурой, проговорил Мастер. — Она не могла выгнать тебя. Без вариантов, ты должна была получить браслет!

— Почему? — спросила, если честно, вообще не понимая, о чём он.

Какой браслет? Почему «без вариантов»?

— Да потому, что наставник обязан зарегистрировать и ограничить передвижения призванного к нему скользящего. Это непреложный закон. Даже те, кто с раннего детства владеет даром скольжения, когда получают наставника, получают и сдерживающий браслет. Что уж о тебе говорить, тебе блокировка просто необходима!

Он говорил резко, отрывисто, очень недовольно и даже возмущённо. А я... из всей его речи поняла одно.

— То есть, вы обязаны была стать моим наставником? — спросила, покосившись на него.

Это что же получается? Он нарушил какой-то там непреложный закон и решил тайком спихнуть меня на другого наставника?

Просто превосходно! А я ещё и вернулась, такая нехорошая, все планы по избавлению от меня поломала. И вот порадоваться бы мне нашему обоюдному желанию избавиться друг от друга, а я почему-то злюсь. Странно, нелогично, но злюсь.

Мастер послушал мои заполошные, лишённый логики и смысла мысли, и видимо, решил, что пора сосредоточиться на более насущном. А именно — что, собственно, со мной делать-то?

— Она не зарегистрировала тебя? — подавшись вперёд и встав одним коленом на кровать, спросил он с угрожающим прищуром.

И я тут же вскочила, чтобы оказаться как можно дальше от него. Вот так, одним рывком, только что лежала, как по струнке, и в мгновение оказалась стоящей по другую сторону кровати. Откуда только прыть-то такая взялась?!

— Что произошло? — непреклонно потребовал ответа Мастер.

А я... я стояла напротив него, широкоплечего, внушительного такого, на голову выше меня, в одних только штанах, со сложенными на широкой, рельефной груди руками и угрожающим прищуром. И думала, усиленно думала о чём угодно, но только не о том, что произошло, когда мы с профессором Энро встретились. Потому что я до дорожки боялась того, что случится, если он узнает, что я нарушила какие-то там законы времени, скольжения и невесть чего ещё.

Но, как водится, если о чём-то стараешься не думать...

Он узнал всё сразу! Мысли же читает, чтоб его! Вот так сходу и прочёл в моих непослушных мыслях, и про то, как я свалилась на профессора Кассиди Энро, когда она была не одна и очень занята, и про наш с ней разговор, и про мой последующий побег, и про Никлу... Всё разом узнал! Мысли же контролировать невозможно, вот я и подумала про всё это. А ведь так старалась не думать... Кто бы мне раньше сказал, что думать вредно — ни за что не поверила бы!

— М-да, — задумчиво протянул Мастер, потирая подбородок с обозначившейся щетиной. — Ситуация.

— И не говорите, — почему-то прошептала я, обречённо опустив голову.

— Ещё раз попробуем? — вдруг предложил он. — Я научу, что говорить, чтобы заполнить анкету. И наставника тебе выберем... не такого дотошного.

— Того, кому на меня будет плевать? — приподняла я брови.

Нет, ну а что тут ещё можно было подумать? Я какая-то не такая, не вписываюсь в местные... анкеты. И не заметит это только ленивый, то есть тот, кто будет относиться ко мне без интереса, а значит, и учить не будет особо. А я жить хочу! Сам же Мастер и сказал, что меня может размазать где-то там, на полпути, если буду и дальше так беспорядочно перемещаться. И вот «не дотошный» наставник мне при таком раскладе как-то совсем не на пользу пойдут.

— В принципе, ты права, — кивнул Мастер, соглашаясь с моими умозаключениями. — И призвана ты была именно ко мне, но, понимаешь, Алла...

Он посмотрел на меня, будто ожидая подтверждения, что правильно назвал.

— Эль, — поправила я.

Никогда не любила своё имя, оно казалось мне каким-то грубым, задеревенелым и холодным. А вот Эль другое дело, это мне больше подходит, короткое, но тёплое и мягкое.

— Скорее уж стремительное, — усмехнулся Мастер, опять считав мои мысли. — Так вот, Алла, — подчёркнуто назвал меня полным именем он, — у меня нет времени заниматься твоим обучением. Я и в академии-то бываю не больше пары часов в неделю. И всё это время занят общими вопросами. А ты, как оказалось, из другого временного потока, с тобой будут сложности. Да что там, они уже имеют место быть. Не могу я с тобой возиться, понимаешь? У меня в самом разгаре сложные переговоры, несколько дней не спал. Вырвался вот на одну ночь, чтобы хоть немного отдохнуть. И тут ты! И что мне с тобой делать?

— Домой вернуть? — гоня от себя мысли, что он, кажется, опять оправдывается, предложила я с надеждой.

Надежда скоропостижно скончалась.

— Ты никогда не вернёшься в свой мир, — жёстко отрезал Мастер. — Он отторг тебя, ты для него теперь чуждая и опасная сущность.

— Да почему?! — закусив губу, чтобы не разреветься, воскликнула я. — Я же там почти двадцать лет прожила и ничего, никто не умер...

Осеклась и прикрыла глаза, глубоко дыша, чтобы успокоиться и не расплакаться всё же. Никто не умер... Как же. Все как раз и умерли, и родители, и бабушка. А больше никого и не осталось. Неужели это из-за меня?..

— Ты жила там, пока в тебе не проснулся дар, — тихо произнёс Мастер. — До тех пор, пока он спал ты не представляла опасности.

— Это не дар, это проклятие какое-то, — судорожно вздохнула я.

Точно разревусь...

— Давай без истерик, — хмуро попросил Мастер. — У меня и так времени в обрез.

— Постараюсь, — прошептала я сдавленно.

И начала часто моргать, чтобы высушить набежавшие слёзы. Какой смысл реветь? Нужно решать проблему. Как говорила бабушка — сначала разберись, а потом можно и поплакать, от облегчения.

Мастер подождал, пока я возьму себя в руки, и продолжил:

— Ты останешься здесь, это уже свершившийся факт. От него и будем отталкиваться. Второй факт — мне некогда с тобой возиться. Тем более учитывая твоё смещение временных потоков. Это в два раза больше работы. Вообще, подобных тебе раньше в изоляцию отправляли. Теоретически вы опасны.

— В изоляцию? — переспросила я затравленно.

— Раньше, да, — кивнул он. — Но, насколько я знаю, а о скольжении я знаю немало, уже около сотни лет подобных случаев не было. Изоляционные зоны упразднили за ненужностью, практически сразу после... Впрочем, неважно. Важно то, что в изоляцию тебя не отправить, потому как её теперь попросту нет. Да и не настолько ты сильна, чтобы принести ощутимый вред. Вопрос в другом.

И он замолчал, задумчиво рассматривая меня.

Да, вопрос в другом, и я поняла в чём. Стоящий напротив меня мужчина усиленно придумывал, как бы от меня избавиться. А мне оставалось только надеяться, что он не придумает ничего кардинального. Жить я, как бы то ни было, всё ещё хочу. Что-то в последние часы частенько меня эта мысль посещает.

Вот так живёшь и не задумываешься, а потом случается какая-то несусветная гадость, и вдруг осознаёшь — так хочется жить! И уже неважно, что ты потеряла всё, что пути к прежней жизни нет, а впереди только страшная неизвестность. Главное, выжить...

— Ты ещё про Колю вспомни, — криво усмехнулся Мастер.

Вот зря напомнил! На глаза тут же опять слёзы навернулись. Я была в одном шаге от исполнения мечты! В одном шаге от счастья. И поскользнулась...

Мастер скривился, будто ему кислоту несусветную под нос подсунили. Но тут же взял себя в руки, его лицо опять стало непроницаемо невозмутимым и... Мне вынесли приговор.

— Передать тебя кому-то другому уже вряд ли получится. Слишком много воспоминаний скрывать придётся, твой мозг может не выдержать. Но и волокита с оформлением на особых условиях мне тоже ни к чему. Запишем тебя как скользящую из какого-нибудь маленького, сопредельного мирка. Браслет, так и быть, надену. Но обучать тебя будут на общих началах.

Мне следует сказать спасибо? Нет, я не иронизирую. Просто не понимаю, что происходит. Меня пожалели, или наоборот? Что делать-то? Как реагировать?

— Благодарность тут точно неуместна, — хмыкнул Мастер. — Обучение в общем потоке та ещё головная боль, причём в прямом смысле. Но, поверь, для тебя это лучший вариант.

— Хорошо, спасибо, — выдавила я.

Он кивнул, принимая мою натянутую благодарность. Нахмурился и добавил:

— Только давай договоримся. Больше никаких побегов. Носиться за тобой по Гнилому кварталу я точно не стану. И друзей у тебя там нет. Этот твой, условно, спаситель продал бы тебя уже утром. Можешь считать, что тебе несказанно повезло. Если бы не перенеслась ко мне, сейчас уже стояла бы на торгах в качестве товара.

Я промолчала, и даже думать себе об этом запретила. Но одна мысль всё же проскользнула. Да не стал бы меня Никла продавать! Он помочь хотел.

— Ещё и чрезмерно наивна к тому же, — покачал головой Мастер. — Жди здесь. И не советую пытаться сбежать. Отсюда ты точно так легко не выйдешь.

И он ушёл. Спустя минуту за дверью, в которую он вышел, послышался шум льющейся воды. А я осталась стоять посреди чужой спальни, одна, растерянная, напуганная, ничего не понимающая. Но не сдавшаяся!

Подошла к двери, ведущей из спальни, попробовала открыть. Не смогла. Нет, бежать я пока больше не собираюсь, просто проверила. Действительно запер, и пусть. Убегать в неизвестность сейчас было бы глупо. Пусть этот Мастер и не жалуется на меня, но он хотя бы предложил хоть какой-то вариант. И не такой уж плохой, если подумать. Главное, меня не сошлют в страшное место под названием «изоляция», и даже, возможно, позаботятся о моём выживании.

По сути, это уже неплохо.

Но как же страшно и тоскливо. Я же неплохо жила! Да, не то, чтобы прекрасно, было и больно, и трудно, но у меня были планы, цели, и даже личное счастье на горизонте маячило. А теперь... только неизвестность, сомнительные перспективы и этот жуткий, угрюмый, вечно недовольный Мастер. И хорошо, что мы с ним видеться не будем. Мне и без его тяжёлого, вечно недовольного самим фактом моего существования взгляда нелегко.

— Это ты ещё с преподавателями Академии Скользящих не познакомилась, — донеслось издевательское из-за двери. — У них не только взгляд, а ещё и рука тяжёлая.

Меня что, бить будут? Куда я попала?!

К тому моменту, когда Мастер вышел из ванной, полностью одетый и даже с сухими волосами, хотя я точно слышала шум льющейся, как в душе, воды, у меня уже основательно сдали нервы. Они и так были не в лучшем состоянии, а после заявления о тяжёлой руке преподавателей заведения, в которое меня собираются отправить, как-то и вовсе распались.

Мастер вышел из ванной, прикрыл за собой дверь, поправил манжеты на рукавах белой снежной сорочки и... скривился.

— Что же за мир у вас такой, что ты допускаешь мысль о рукоприкладстве со стороны наставников? — произнёс он с заметной неприязнью.

Вот и у меня такой же вопрос возник, только в отношении этого мира. Озвучивать я его не стала, но Мастеру это и не нужно было. Он же, чтоб его, мысли считывает!

— Да, это ещё одна проблема, — кивнул мужчина, явно опять подсмотрев мои размышления.

— Что именно? — осторожно спросила я.

— Твои мысли, — указал он на, как ему казалось, очевидное. — Они слишком громкие, совершенно не прикрытые и... излишне откровенные.

Это на что он намекает? Не было у меня никаких откровенных мыслей! Панические, испуганные, слегка безумные даже, учитывая ситуацию, но никаких откровенных. Я даже о Коле думать себе запретила...

Мастер скривился так, что я невольно попятилась и... в который уже раз отметила, что мои мысли о Коле Строганове, почему-то, особенно его раздражают. И с чего? Чем ему Коля-то не угодил?

— В таком состоянии я тебя в академию не поведу, — сказал, как отрезал, Мастер.

— В к-каком, таком? — слегка заикаясь, спросила я.

— Ты слишком открыта. А нам же не нужно, чтобы все, кому не лень, могли заглянуть в твою излишне откровенную головку, — вдруг как-то угрожающе улыбнулся он.

И вот вам самому-то не лень в ней копаться?! Не сказала, да, но подумала предельно чётко. Пусть услышит, и поймёт уже, что меня это нервирует почти до полуистеричного состояния.

— Я бы и рад, — поморщившись, непонятно ответил на мои мысленные возмущения Мастер, — но ты слишком громко думаешь. Настолько, что не услышать просто невозможно. И это, знаешь ли, тоже нервирует.

И вот я сейчас не поняла. Меня что, обвиняют в чём-то? Какая восхитительна наглость! Сам же хозяйничает в моей голове, как у себя дома, а я ещё и виновата!

— Так, мне это уже порядком надоело, — вдруг сдвинул брови Мастер. В пару шагов оказался рядом и добавил: — Не дёргайся.

Стоит ли удивляться, что я отступила, как только он поднял руки, потянувшись к моей голове? Лично я ни удивиться, ни вообще обдумать что-то не успела. Инстинктивно отшатнулась. И вообще отошла подальше.

— Ты ещё убежать попробуй, — криво усмехнулся он и...

Как Мастер оказался рядом, я вообще не поняла. Вот только что я отбежала от него на приличное расстояние, и... моргнуть не успела, как он снова очутился рядом. Один молниеносный рывок, на такой скорости, что я не смогла отследить взглядом это неестественное движение, и моих висков касаются холодные пальцы.

— Прости, будет больно, — прошептал Мастер.

И меня буквально затопила волна боли. Она разливалась расплавленным металлом по голове, сковывала движения, дыхание, мысли. Я закричала бы, если бы могла. Но не смогла даже закричать. Только приоткрыла губы в беззвучном стоне.

Продолжалось это недолго, но мне показалось, что целую вечность. Вечность в огне, затопляющей сознание боли и невероятном мучительном ожидании.

Ждала, признаться, уже смерти. Но нет, я выжила. И последним, что ощутила, проваливаясь в черноту бессознательности, были руки Мастера, обхватившие меня за талию, чтобы удержать от падения.

— Прости, малышка, так было нужно, — прошептал он, касаясь дыханием моего лица. И я погрузилась во тьму.

\*\*\*

Меня разбудили какие-то голоса. Навязчивые, становящиеся всё громче. Да кто же тут так громко разговаривает? Каждое слово болью в висках отдаётся.

— Что ты с ней сделал? — спросила какая-то женщина.

— То, что было необходимо, — сухо ответил ей мужчина.

— Уверен? — ехидная усмешка.

— Что, жалко? — не менее язвительно спросил мужчина. — Так нужно было зарегистрировать на себя.

— И скрыть её нестабильную природу? Я не идиотка, Рас, брать на себя такой риск не собираюсь.

— И не придётся, — отрезал мужчина.

— Неужели вот так просто возьмёшь и избавишься от неё? Сомневаюсь. Ты же жа-алостливый, — с явной издёвкой протянула женщина.

— Ты плохо меня знаешь, — заявил мужчина.

Но женщина только ещё более издевательски рассмеялась. Громко, пронзительно, до взрывающей мозг боли. И я открыла глаза, чтобы замереть то ли в ужасе, то ли в изумлении.

Я лежала на широкой кровати в чьей-то стилизованной под старину, роскошной спальне, и здесь кроме меня были ещё двое, высокий широкоплечий темноволосый мужчина и женщина, разглядеть которую почему-то никак не получалось.

Хотя, присмотревшись, я засомневалась, что женщина действительно находится в комнате. Она казалась какой-то призрачной, полупрозрачной и чуть светилась, даже при льющемся из окна дневном свете. В общем, не казалась она осязаемой. Скорее какая-то проекция, голограмма или даже не знаю что.

Но, как оказалось, эта неосязаемость язвительной женщины не спасла её от жёсткого захвата за шею. Мужчина просто резко выбросил вперёд левую руку и мгновенно сжал тонкую женскую шейку. Смех оборвался.

А я напротив, тихо вскрикнула от ужаса. За что получила мрачный взгляд и приказ:

— Глаза закрой.

Подчинилась тут же, даже не задумываясь. Просто, как бы, свидетели долго не живут, а если глаза закрыты, то ничего не видела и уже вроде как не свидетель. Но так, с закрытыми глазами, стало ещё страшнее. И я решила приоткрыть всего один, чуть-чуть.

Ну что ж, этот странный и ужасающий тип свою призрачную жертву не душил, он просто стоял, удерживая её одной рукой за шею, а указательный и безымянный пальцы другой руки прижал к её виску. И женщине это явно не нравилось, её всю мелко трясло, глаза закатились. А потом она и вовсе обмякла, кажется, из носа у неё пошла кровь.

Мужчина отпустил бессознательное призрачное явление, и оно просто исчезло в одно мгновение. Я тут же зажмурилась и вся сжалась. Сейчас он и меня тоже... того.

Но мужчина подошёл к кровати, присел на край и вдруг спросил:

— Как самочувствие? Голова сильно болит?

Я молчала и тряслась. Вот просто лежала и всем телом тряслась, как та полупрозрачная женщина. Только она билась в конвульсиях, а меня так от страха дёргало.

— Эль, глазки открой, — жёстким тоном, вопреки формулировке, приказал мужчина.

— Эль? — переспросила я.

— Ты же сама сказала, что это имя тебе больше подходит, — произнёс он как-то напряжённо.

Я осторожно открыла глаза и затравленно уставилась на незнакомца. А он сверлил меня всё более напряжённым взглядом. В результате задал престранный вопрос.

— Как тебя зовут? — собственно спросил он.

И только тогда я осознала, что вопрос не странный, он жуткий и вгоняющий в панику. А всё потому, что я не знаю ответ на него! Такой простой вопрос, но я совершенно не знаю, не помню и даже не догадываюсь, как меня зовут!

— Эль? — предположила едва слышным шёпотом.

— Не помнишь, — скорее констатировал, чем спросил мужчина.

И мои глаза наполнились слезами. Вот просто расплылось всё от них. Я начала часто моргать и слезинки скатились из уголков глаз, прочертили дорожки по щекам и укатились куда-то под уши. Мокро и неприятно.

— Что ты вообще помнишь? — как-то вдруг успокоившись, будничным тоном поинтересовался мужчина. — Меня? Нет? Где ты? Откуда? Ничего?

Я продолжала пускать слёзы, вытирая их резкими, отрывистыми движениями, потому что мокро и противно, но не в силах прекратить плакать. Я не помнила ничего. Совершенно, абсолютно, вообще! Ни-че-го. Как же страшно...

— Хм, а так даже лучше, — вдруг заявил мужчина, поднимаясь. — Иди умойся, у нас мало времени, объясню всё по пути.

И мне указали на одну из имеющихся тут дверей.

\*\*\*

Незнакомый утренний город. Суетливые люди куда-то спешат, открываются ставни и двери каких-то заведений. Мимо пробежал явно опаздывающий парень, молодой совсем. Наверное, примерно того же возраста, что и я. По крайней мере, на вид. Ведь я не знаю, ни сколько ему лет, ни сколько мне...

Свой возраст я определяла, глядя на бледное, заплаканное лицо в отражении овального зеркала над раковиной. Прикинула, что мне должно быть лет восемнадцать-двадцать, или что-то около того.

Но долго себя разглядывать мне не позволили, как и обдумать — почему я легко могу рассуждать о том, как выглядят восемнадцати-двадцатилетние девушки, и при этом совершенно ничего не знаю конкретно о себе? Получается, в моей памяти сохранились знания о внешних признаках людей, или, к примеру, что нужно открыть кран, чтобы полилась вода, но каким-то образом из неё исчезли даже малейшие детали моей собственной жизни. Почему я узнаю предметы и в тоже время чувствую, будто вижу их впервые? И остаюсь ли я собой, лишившись всего, что составляло мою личность? Экзистенциальные вопросы без ответа...

Все эти мысли пролетели буквально за несколько секунд, в течение которых я смотрела на, отражающуюся в зеркальной глади, испуганную, тоненькую, бледную светловолосую девушку с большими голубыми глазами... и не узнавала её. А потом дверь резко открылась, без стука и предупреждения.

Я вздрогнула, но взгляд не отвела, следя за каждым движением высокого, широкоплечего мужчины в строгой одежде. Кто он мне? Знакомый или родственник? Друг или враг? И как вести себя с ним, если я понятия не имею, что нас связывает?

— Идём, — протянул мне руку мужчина. — Не бойся, я всё объясню и помогу.

И я несмело шагнула к нему, вкладывая свои тонкие, ледяные и подрагивающие от неуверенности пальчики в его широкую, твёрдую, уверенную ладонь. Почему-то хотелось верить ему. Наверное, потому что больше некому. А кому-то верить просто необходимо, иначе можно совсем с ума сойти. Или я уже?

Мы шли по этим утренним, суетным, находящимся в непрерывном движении улицам, и с моим спутником всё время кто-то здоровался. Так я и узнала, что он Мастер. Даже Великий Мастер, как назвал его тот парнишка, который примерно мой ровесник.

На все приветствия Мастер только сдержанно кивал и продолжал целенаправленно куда-то идти, крепко держа меня за руку. И он молчал. За всё время с тех пор, как вышла из ванной, я услышала от него всего два слова. На выходе из дома он произнёс «Осторожно, ступени». И всё, больше ничего. А ведь обещал объяснить...

Так, в молчании, мы прошли по широкой, яркой улице, на которой единственным серым и каким-то хмурым был только дом Мастера, свернули за угол, оказавшись на ещё одной, почти такой же улице, только тут было меньше магазинчиков и больше основательных, «хмурых» домов, и продолжили путь, не сбавляя скорости. В молчании...

И я не выдержала. Но начала не с того, что хотелось узнать в первую очередь. Спросила для начала:

— А Мастер, это профессия или просто вежливое обращение?

Мужчина покосился на меня и вдруг улыбнулся. Вполне приветливо и даже как-то светло. Совсем не в его стиле — почему-то подумала я. Хотя откуда мне знать, что в его стиле, если я и о себе-то ничего не знаю.

— Это звание, — поведал он. — Великий Мастер Академии Скользящих.

— Академии? Вы... преподаватель? — нахмурилась я, пытаюсь понять.

— Не совсем. Скорее один из основателей и владелец. И совсем чуть-чуть магистр скольжения, — с улыбкой ответил он.

Я всё так же недоумённо смотрела на него. Во все глаза, в ожидании подробностей.

— Ну и глазищи, — чуть подавшись ко мне, весело шепнул он. — Такие большие и испуганные. Даже интересно, о чём ты сейчас думаешь. Забавно.

Лично я ничего забавного в своём страхе и непонимании не видела. Но поджала губы и промолчала. Было что-то в этом Мастере, что останавливало, не позволяло потребовать ответов. Какая-то неясная, но от того не менее нервнующая тревога. Будто неслышный шёпот у самого уха — «будь осторожна, он опасен». И я промолчала, прислушавшись к этому предостережению. Кто знает, возможно, это отголоски того, что я когда-то знала о Мастере.

— Вижу, не понимаешь, — кивнул Мастер, заметив мой не то чтобы враждебный, но и не радостный взгляд. — Потерпи немного, доберёмся до моего кабинета и я всё тебе объясню. В спокойной обстановке и... без лишних ушей.

Сказав последнее, он с прищуром посмотрел на идущего по другой стороне улицы пожилого мужчину. Мужчина тут же приподнял шляпу и крикнул через дорогу:

— Доброго утра, Мастер Стоун.

— И вам, профессор Дэрд, — тихо, даже как-то вкрадчиво ответил Мастер.

И это посреди людной улицы. В общем, его явно не могли слышать. Но, кажется, каким-то чудом услышали. И вздрогнули.

Профессор тут же отвёл взгляд, заспешил и в скором времени скрылся из виду. Я же недоумённо посмотрела на Мастера. И что это сейчас было?

— Поговорим в кабинете, без лишних ушей, — повторил Мастер.

И, чуть сжав мою ладонь, будто неосознанно рефлекторно поглаживая её большим пальцем, пошёл дальше. Мне оставалось только следовать за ним, невольно задумавшись — какие между нами отношения?

С одной стороны, он ведёт себя довольно холодно и отстранённо. Совершенно не беспокоится о том, что со мной случилось и не нужна ли мне медицинская помощь. Потеря памяти это, вообще-то, нехороший симптом. Знать бы ещё, откуда я это знаю... А с другой, совершенно противоположной стороны, эти взгляды, улыбки, поглаживание моей ладони пальцем — всё это казалось каким-то естественным, будто так и должно быть.

Странные мысли и не менее странные двойственные ощущения. Так и подмывало спросить — кто ты для меня, Мастер? Но я молчала. В кабинете, значит, в кабинете. Видимо, так нужно. И не то, чтобы мне это легко давалось, внутри поднимался протест, желание возразить, настоять на своём. Не быть... покорной? Но здравый смысл всё же пересилил. Ну, или обоснованная тревога, которую этот мужчина вызывал во мне.

## Глава 4

Академия Скользящих. Это оказался огромный, монументальный комплекс и высоченным, П-образным основным зданием и десятком корпусов поменьше. И здесь было много, очень много обучающихся. Причём абсолютно разных возрастов, от юрких, носящихся вокруг, задорно смеющихся десятилеток, и до уже вполне взрослых молодых мужчин и девушек.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.